

> МАГИСТРАЛЪ >

ЮН ФОССЕ

Другое имя
Септология I-II

Москва
2024

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Ф81

Jon Fosse

DET ANDRE NAMNET
Septologien I-II

Copyright © 2019 Det andre namnet.
Septologien I-II, Det Norske Samlaget Published by permission
of Winje Agency A/S, Skiensgate 12, 3912 Porsgrunn, Norway

Перевод с норвежского *Н. Федоровой*

Иллюстрация на обложке *Н. Портяной*

Фоссе, Юн.

Ф81 Другое имя. Септология I-II / Юн Фоссе ; [перевод с норвежского Н. Федоровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-194659-3

Художник Асле живет в Дюльгью. В основном он общается только со своим соседом, холостым рыбаком Аслеком. В Бергене живет еще один Асле. Он тоже художник. Оба Асле дружат и в каком-то смысле представляют собой две версии одной и той же жизни.

В канун Рождества один из них находит другого в сугробе. Спасая товарища от холодной смерти, герой вспоминает прошлое и начинает по-новому смотреть на дружбу, веру и творчество.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

© Федорова Н., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-194659-3

Посвящается Анне

И дам ему белый камень и на камне
написанное новое имя, которого
никто не знает, кроме того,
кто получает.

Откровение, 2:17

Dona nobis pacem.

*Agnus Dei*¹

---

¹ Даруй нам мир. *Агнец Божий (лат.)*.

I

Я вижу себя: я стою, глядя на картину с двумя пересекающимися в центре полосами, лиловой и коричневой, картина продолговатая, и вижу, что выводил полосы медленно, густыми масляными красками, они растеклись и на пересечении коричневый и лиловый красиво смешиваются и сбегает вниз, и я думаю, что никакая это не картина, а вместе с тем она такая, как надо,вершенная, больше ничего с ней, по-моему, делать не нужно, пора ее убрать, незачем ей стоять на мольберте, не хочу больше смотреть на нее, вот так я думаю, а еще думаю, что нынче понедельник и что картину эту надо поставить к тем, над которыми я работаю, но пока никак не закончу, они стоят подрамниками наружу между дверью в маленькую комнату и дверью в коридор, под крючком, на котором висит коричневая кожаная сумка с длинным наплечным ремнем, в ней у меня альбом для эскизов и карандаш, потом я перевожу взгляд на два штабеля готовых картин у стены возле кухонной двери, там уже приготовлены штук десять довольно больших живописных работ и четыре-пять маленьких, всего четырнадцать, стоят штабелями рядом с кухонной дверью, потому что вско-

ре у меня будет выставка, в основном, думаю я, картины, как говорится, более-менее квадратные, но иной раз я пишу и длинные и узкие, а та, с двумя пересекающимися полосами, прямоугольная, так о ней скажут, но на теперешней выставке я эту картину показывать не стану, в сущности, она мне совершенно не нравится, пожалуй, это вообще никакая не картина, просто две полосы, или, может, я хочу оставить ее себе, не продавать? ведь некоторые картины я оставляю себе, не продаю, и, возможно, она из таких, хоть и не нравится мне? что ж, пусть даже картина, можно сказать, не удалась, я, пожалуй, все-таки сохраню ее и оставлю у себя? хоть и не знаю, с какой стати хранить ее у себя заодно с немногочисленными другими картинами, что стоят в мансарде, в одной из тамошних комнаток, с какой стати я не хочу с ней расстаться, кстати, может, Аслеик захочет ее взять? ну, чтобы подарить на Рождество Сестре? ведь каждый год, в адвент¹, он получает от меня картину, которую дарит Сестре на Рождество, я же получаю от него мясо, рыбу, дрова и прочее, вдобавок нельзя забывать, что зимой он еще и расчищает мою подъездную дорожку, как говорит сам Аслеик, ну да, и это тоже, а когда я говорю, за сколько подобная картина продается в Бергене, Аслеик говорит, он, мол, диву дается, что народ готов выложить этикие деньжищи за картину, но, видать, у тех, кто покупает, денег куры не клюют, а я в ответ говорю что да, деньги большие, я и сам так считаю, а Аслеик говорит, что, коли так, он, стало быть, не внакладе и в таком разе каждый год, мол, делал Сестре

---

¹ Адвент — предрождественское время, начинается с четвертого воскресенья до Рождества. — *Здесь и далее прим. перев.*

на Рождество дорогуший подарок, а я говорю: да-да, и мы оба умолкаем, а немного погодя я говорю, что теперь нет-нет да и подкидываю ему купюру-другую — за бараньи ребрышки и вяленое мясо, за вяленую рыбу и дрова, ну и за расчистку тоже, — а иной раз и пакет съестного, маленько продуктов, купленных в Бергене, когда мне случалось ездить туда за покупками, так я ему говорю, и тогда он в некотором замешательстве отвечает, что да, мол, бывает такое, что правда, то правда, а я думаю, что зря этак сказал, ведь Аслеик не хочет брать ни деньги, ни что другое, но если считать, что мне, мол, всего хватает, всего у меня в достатке, а он вроде как сидит без денег, то я как бы просто украдкой сую ему парочку купюр, и мы этого как бы не замечаем, и точно так же, думаю я, происходит, когда я езжу за покупками в Берген, я тогда непременно покупаю что-нибудь для Аслеика, ведь если я зарабатываю немного, то он по сравнению со мной вообще ничего почти не зарабатывает, думаю я, глядя на штабеля готовых картин, которые стоят самодельными подрамниками наружу, и у каждой картины есть название, оно написано вверху на подрамнике густой черной масляной краской, и картина, которая стоит последней и на которую я смотрю, называется «А волны плещут», названия для меня важны, они как бы часть самой картины, и я всегда пишу их черной масляной краской вверху на подрамниках, а подрамники мастерю своими руками, всегда так делаю, с тех самых пор как занялся живописью, думаю я, а еще думаю, что для одной выставки картин, пожалуй, многовато, но я возьму с собой все, отвезу в Галерею Бейер, пусть лучше Бейер сам отложит те или иные в подсобку, он

зовет ее Банком и хранит там картины, которые не участвуют в выставке, думаю я, а потом иду и опять гляжу на картину с двумя пересекающимися полосами, обе выведены густо, пастозно, как говорится, и масляные краски слегка растеклись, и там, где полосы пересекаются, получился такой удивительный цвет, красивый цвет, безымянный, так чаще всего и бывает, ясно же, для всех несчетных оттенков, какие есть на свете, названий не напасешься, думаю я, отступаю от картины на несколько метров и опять смотрю на нее, потом выключаю свет и смотрю на картину в потемках, на улице-то темно, в эту пору года круглые сутки темно или почти темно, думаю я и смотрю на картину, а глаза привыкают к темноте, и я вижу полосы, вижу, как они пересекаются, вижу, что в картине много света, да-да, много незримого света, так что, пожалуй, она все-таки удалась, думаю я и не хочу больше смотреть на картину, а сам все равно стою и смотрю; пора с этим кончать, думаю я и перевожу взгляд на круглый стол у окна, возле него стоят два стула, и на одном, который слева, сидел и сижу я, а на том, что справа, всегда сидела Алес, ну то есть пока была жива, но она умерла безвременно, и я не хочу об этом думать, и сестра Алида, она тоже умерла безвременно, и об этом я тоже думать не хочу, думаю я и прямо воочию вижу, как сижу там на своем стуле и смотрю на то место в устье Согне-фьорда, куда смотрю обычно, на мой ориентир, где вершины сосен, что ниже моего дома, будут посередине среднего стекла в двухстворчатом окне, в правой его части, ведь окно разделено пополам, и обе створки можно открыть, а каждая створка в свою очередь разделена на три части,

и посредине правой створки должны быть вершины сосен, и я, хоть и с трудом, различаю сосны и благодаря этому ориентиру могу разглядеть там во тьме волны, и я вижу, как сижу и смотрю на волны, а еще вижу, как иду к своей машине, запаркованной перед Галереей Бейер, на мне длинное черное пальто, а на плече коричневая кожаная сумка, и я только что заходил в Кофейню, но сегодня у меня не было большого аппетита, и вопреки обыкновению обед я брать не стал, взял только бутерброд с карбонадом и луком, да и время уже далеко за полдень, я купил в Бергене все, что собирался, так что пора возвращаться домой, на Дюльгю, путь-то неблизкий, что ни говори, думаю я, сажусь в машину, кладу коричневую сумку на пассажирское сиденье, завожу мотор и уезжаю из Бергена тем маршрутом, какому когда-то научил меня Бейер, как-то раз научил меня ездить в Берген и из Бергена, научил подъезжать к Галерее Бейер и уезжать той же дорогой, но в противоположном направлении, думаю я и еду прочь из Бергена, впадая в приятную прострацию, которую навевает езда, и вижу, что как раз сейчас проезжаю мимо многоквартирного дома, где живет Асле, в Скутевике, у самого моря, там и небольшая пристань есть, думаю я, и я вижу Асле, он лежит на диване и дрожит, всем телом дрожит, и думает: ну уймется ли эта дрожь? а еще думает, что вчера вечером так и уснул на диване, потому что сил не было встать, раздеться и лечь в постель, даже собаку, Браге, и ту не выгулял, надо бы поскорей вывести бедолагу, думает он, но нельзя же так дрожать, и ведь дрожь-то во всем теле, не только в руках, думает Асле, надо встать, пойти на кухню да хлебнуть глоточек, чтобы дрожь уня-

лась, вчера-то вечером он не разделся и не лег в постель, нет, остался на диване и с похмелья отсыпался там, думает он, вот и лежит теперь и глядит прямо перед собой да дрожит-трясется всем телом, и все это, думает он, кстати, что это? пустота? ничто? отдаленность? да, пожалуй что отдаленность, думает он, а теперь самое время хлебнуть глоточек, чтобы дрожь чуток унялась, думает Асле, и тогда он выйдет из дому, уйдет в море, думает Асле, единственное, чего он хочет, единственное, чего желает, — пропасть, исчезнуть, как еще ребенком исчезла сестра Алида, она, Сестра, просто лежала в постели мертвая, думает Асле, и как исчез соседский мальчонка по имени Борд, упал в море за борт отцовской лодки, а плавать не умел, обратно в лодку влезть не смог и до берега не добрался, думает Асле, ну а теперь надо взять себя за шкуру, думает он, встать, пойти на кухню и налить себе добрый стаканчик, чтобы дрожь чуток унялась, потом он обойдет квартиру и погасит свет, всю квартиру обойдет, проверит, все ли в порядке, а потом выйдет из квартиры, запрет за собой дверь, спустится на берег, войдет в море и будет идти все дальше, дальше, думает Асле, думает снова и снова, ведь это единственная мысль, на которую он способен, мысль, что он уйдет в море и пропадет там, в морских волнах, в ничто, думает Асле, и мысль эта знай кружит в его голове, не унимается, кружит и кружит, ведь только она, одна-единственная, реально присутствует, все прочее — пустая отдаленность, пустая близость, да нет, пустоты нет, но в его потемках все равно пусто, а все прочие мысли, сколько бы ни пытался, он помыслить не в силах, слишком они тяжелые, неподъемные, в том числе и мысль, что

надо поднять руку, кажется слишком тяжелой, и он замечает, что дрожит, хотя вообще не шевелится, дрожит всем телом, и почему нет сил подумать о том, чтобы встать? поднять руку? и почему единственное, о чем он может думать, это уход в море? он хочет выпить, чтобы унять дрожь, погасить свет в квартире, даже прибраться, коли надо, ведь перед уходом все должно быть в порядке, думает Асле, и, наверно, надо бы что-нибудь написать Малышу, думает он, Малыш, конечно, уже взрослый, давным-давно вырос и живет теперь в Осло, а может, следовало бы позвонить ему? но ни он сам, ни Малыш не любят телефонных разговоров, думает Асле, или, может, написать письмо Лив? как-никак они несколько лет состояли в браке, но развелись так давно, что обид друг на друга уже не держат, а он почему-то не может уйти, ни с кем не попрощавшись, это вроде как неправильно, однако о другой, с которой состоял в браке, о Сив, он даже подумать не в силах, ведь она просто забрала Мальчугана и Дочку и уехала, вдруг взяла и уехала, ему и в голову не приходило, что они разойдутся, когда она объявила, что с нее довольно, забрала Мальчугана и Дочку и уехала, она и квартиру уже нашла, сказала она, а он ничего не понимал, думает Асле, одно время Мальчуган и Дочка приезжали к нему каждые вторые выходные, думает он, а потом Сив нашла себе нового мужа и вместе с Мальчуганом и Дочкой переехала в Трёнделаг, в какой-то там город, к новому мужу, которого себе подыскала, забрала детей и уехала, а он опять остался один, позднее Сив писала ему, требовала оплатить то одно, то другое, и, что бы это ни было, он платил, когда были деньги, думает Асле, но зачем думать об